

ВМ Мария Воронова

Уютная
душа

Еще раз про любовь

Мария Воронова

Уютная душа

«Автор»

2014

Воронова М. В.

Уютная душа / М. В. Воронова — «Автор», 2014 — (Еще раз про любовь)

Стоит ли жертвовать собой ради успешной карьеры супруга? Юной студенткой Таня Усова вышла замуж, и учебу пришлось оставить. Теперь она – «всего лишь» операционная сестра, ее высоко ценят коллеги, но дома вот уже десять лет ее ждут только придирки и унижения. Ради чего она хранит этот безрадостный брак? Но наступит день, и Таня совершит поступки, о которых раньше и подумать не могла. Что так изменит самооценку скромной девушки? Ну конечно, счастливая любовь! Новая...

© Воронова М. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мария Воронова

Уютная душа

© Воронова М. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Эти двадцать минут между доставкой больного в операционную и собственно началом операции были очень неприятным временем для молодого профессора Миллера. Вынужденное бездействие, пока больного вводят в наркоз, а сестра готовит инструменты, раздражало его. Дмитрий Дмитриевич начинал сомневаться, правильно ли он определил показания к операции и составил ее план. При осмотре больного он мыслил четко и ясно, выделяя главные симптомы, группируя их и выстраивая алгоритмы. Пустопорожним размышлениям не было места в его стройных и логичных умозаключениях. Как только он брал в руки скальпель, сомнения вновь испарялись без следа, но уж в течение этой неизбежной паузы он успевал понервничать на славу! Между принятием решения и началом его претворения в жизнь Миллер несколько раз обливался холодным потом, думая, что в этот раз он наверняка ошибся и ошибка будет стоить больному жизни. Раньше он мог попросить совета у старших товарищей и таким образом разделить с ними ответственность за судьбу пациента, но теперь тридцатипятилетний профессор нейрохирургии сам был в клинике истиной в последней инстанции.

Стараясь утаить от коллег неизменно охватывающую его панику, перед началом операции Миллер становился особенно невыносим. Иногда он скрывался в комнате дежурного врача и курил там, пока за ним не приходили, но чаще оставался в операционной и с каменным лицом наблюдал за приготовлениями.

Вот и сейчас, усевшись на высокий табурет в углу операционной, он демонстративно посмотрел на часы. Анестезиолог только проверял наркозный аппарат, а операционный стол еще даже не застелили стерильным бельем.

– А потом будут жаловаться, что мы долго оперируем! – веско произнес Миллер в пространство. – Хорошо еще, что нет кровотечения и ужасная организация работы оперблока не отразится на судьбе больного.

– Я пришел сразу, как только меня вызвали, – улыбнулся анестезиолог и дал больному маску с кислородом.

– Сестры, разумеется, должны допить свой чай. У них сначала дело, потом удовольствие, – язвительно продолжал профессор.

– Ладно вам... Дмитрий Дмитриевич, вы еще успеете покурить.

Это был не слишком тонкий намек. Но Миллер и сам понимал, что заставляет анестезиолога нервничать, поэтому нехотя слез с табурета и отправился на лестницу. В дверях он столкнулся с сестрой – маленькая, кругленькая, она неслась как на пожар.

– Ой, простите! Я сейчас все приготовлю.

Миллер отметил окающий волжский выговор и присмотрелся внимательнее – раньше он этой сестры не видел. Мужским взглядом он оценил точеные икры и шиколотки, маленькие ступни, обутые в босоножки на платформе. Этим, впрочем, внешние достоинства девушки исчерпывались. Одетая в аккуратный халатик, очень маленького роста, с развитой грудью и практически без талии, сестра напоминала яйцо в рюмочке. Миллер знал, что время обходится с такими фигурами особенно недружелюбно, и пожалел девушку, получившую от родителей столь неудачную конституцию. Лицо сестры было прикрыто хирургической шапочкой и маской, но Дмитрий Дмитриевич предположил, что оно весьма заурядно.

«Это вообще нормально, что женщины меня так мало интересуют? – вздохнул он. – Ну с этим коlobком все понятно, мне нравятся только красивые. Но ведь среди сотрудниц есть настоящие красавицы, почему же ни одна не заводит меня? Наверное, зона в коре головного мозга, отвечающая за любовные переживания, находится у меня в состоянии атрофии. Ну и слава богу!»

Миллер хмуро наблюдал, как сестра проворно раскладывает инструменты, и думал, что со стороны коллег это настоящее свинство – ставить новенькую в первый же день с таким требовательным и занудным хирургом, как он. Интересно, ей уже успели рассказать о его кошмарном нраве?

Дмитрий Дмитриевич прекрасно знал, что перед его операциями в сестринской разыгрываются настоящие баталии, кому идти с ним работать, поскольку каждая сестра стремилась избежать этой миссии.

– Нашли козу отпущения! – усмехнулся он и заметил, что праздные размышления отвлекли его от паники.

«Но какое все-таки безобразие! Пусть они не заботятся о новенькой, не собираются вводить ее в курс дела постепенно, но обо мне-то они должны думать! Предстоит сложная операция, и я не могу, просто не имею права отвлекаться на то, чтобы объяснять неопытной сестре ее обязанности. Если раньше она работала только в общей хирургии, то наверняка не знает названия специальных инструментов».

С этими названиями была такая морочка! Почти все инструменты носили имена своих изобретателей, хирургов, но запомнить множество сложных, часто иностранных фамилий способны были лишь некоторые врачи, не говоря уже о сестрах, поэтому в ходу были жаргонные наименования. Миллер же принадлежал к числу педантов: он просил ножницы Купера, а не «кривые ножницы», зажим Де-Бейки, а не «бульдожку», и никогда не позволял себе заменять культурное «подайте зажим для почечной ножки Федорова» на краткое и понятное «Федора давай». И уж конечно, он считал дурным тоном шутки коллег по поводу инструментов Кохера, гениального хирурга и лауреата Нобелевской премии, построенные на созвучности его фамилии с известным русским словом. В результате молодые сестры не всегда понимали, что нужно профессору.

Однако новенькая приятно удивила его. В руке неизменно оказывался именно тот зажим, который он просил. К тому же она подавала так, что Миллеру не приходилось тратить время на перехватывание инструмента, – каким-то непостижимым образом девчонка знала, как ему удобно.

Все хирургические инструменты служили уже давно, и Миллер привык, что иглы вращаются в иглодержателях, а кровоостанавливающие зажимы имеют неприятное обыкновение «выстреливать», то есть внезапно раскрываться и сваливаться с захваченного участка. Сегодня ничего такого не происходило. Иглы сидели как влитые, не проворачивались даже в самом неудобном положении, и зажимы держали вполне удовлетворительно.

А когда Миллер попросил сестру заменить неудобный диссектор, то не услышал обычного нытья, что ради дурацкой прихоти придется открывать целый набор инструментов. «Момент», – весело сказала девчонка.

– Вы очень компетентная сестра, – буркнул он, принимая диссектор. Почему-то среди всех она выбрала именно тот, что был ему нужен – небольшой, круто изогнутый и без кремальер.

– Вы, Дмитрий Дмитриевич, не заболели? – с притворным участием спросила анестезистка. – Наверное, у вас температура, раз вы решили человека похвалить.

– Я не похвалил, а констатировал факт. И прекратите посторонние разговоры во время операции!

Он как раз закончил рутинный этап трепанации черепа – физически сложное, но не таящее неприятных сюрпризов занятие, вскрыл твердую мозговую оболочку и аккуратно приступил к поиску опухоли. Теперь любое неосторожное движение могло привести к необратимым последствиям.

Дмитрия Дмитриевича всегда изумляло, что эта серая масса и есть вместилище человеческой мысли и переживаний. Неужели всем нашим радостям и печалям, всей красоте, кото-

рую дарит нам мир, мы обязаны вот этой малопривлекательной субстанции? От подобных размышлений у него кружилась голова, поэтому он заставлял себя думать, что имеет дело просто с объектом для лечения.

Вот и опухоль – плотный шарик, два сантиметра в диаметре. Ага, есть капсула, участок обызвествления – скорее всего опухоль доброкачественная, если это не эхинококк. Нужно работать очень аккуратно – и тогда после операции человек станет полностью здоровым.

Извлекая опухоль, Миллер продвигался медленно, по миллиметру. По его спине струился настоящий холодный пот – эта вегетативная реакция заменяла ему дрожь в коленках.

Наконец шарик оказался у него в руке.

– Препарат! – скомандовал он, и сестричка тут же протянула развернутую салфетку и новый скальпель.

«Вот молодец!» – подумал Миллер. Правила требовали, чтобы хирург, удалив опухоль, сразу же разрезал и визуально исследовал ее. Это полагалось делать отдельным скальпелем, чтобы потом не перенести в рану злокачественные клетки или патогенные микроорганизмы опухоли. Но, как правило, сестрам жалко было подавать новый скальпель, и они начинали уговаривать хирурга воспользоваться тем же самым, обещая после этого тщательно его протереть. Миллеру приходилось или добиваться своего со скандалом, или, в особо тяжелых случаях, откладывать вскрытие опухоли на «после операции». А новенькая сестра мало того, что знала правила, так еще и неукоснительно выполняла их.

Ответственный этап закончился, и Миллер с ассистентом приступили к механической работе – ушиванию раны. Обычно в эти пятнадцать минут нервное напряжение, испытанное всеми участниками операции, требует выхода. При удачном исходе доктора начинают похихикивать, перебрасываться глупыми шутками, и хирургическое вмешательство заканчивается под праздную болтовню.

... Непонятно, с чего все началось, но Миллер вдруг обнаружил себя втянутым в теософскую дискуссию. Почему его так задели слова анестезиолога, что бог поможет пациенту поправиться?

– При чем тут бог? Операцию сделал я, и судьба этого человека зависит от меня.

Услышав такую самодовольную реплику, новенькая вдруг засмеялась:

– Знаете, чем бог отличается от хирурга? Бог знает, что он – не хирург.

– Очень остроумно, – буркнул Миллер и собрался было отчитать девчонку за развязное поведение, но вдруг понял, что на самом деле ему весело, а не обидно. – Если я все выполнил как надо, то больной поправится и без участия высших сил. А если нет, то в неблагоприятном исходе тоже буду виноват я, а не бог!

– Ой, Дмитрий Дмитриевич, не скажите! – возразил анестезиолог. – Сколько раз бывало: все сделано идеально, а человек берет и умирает. И вы, и я можем вспомнить такие случаи.

– Вспоминая такие случаи, все равно нужно искать в них не промысел божий, а врачебные ошибки. – Поверх маски Миллер бросил быстрый взгляд на анестезиолога. – Если бог и есть, то он насылает на человека не загадочную смерть, а плохого доктора, который в силу невежества, лени или халатности не может принять адекватные меры! А если мы не хотим брать ответственность на себя, то, по крайней мере, должны искать причины неблагоприятного исхода не в действии потусторонних сил, а в физиологических законах. Чаще они бывают нашими союзниками – всем известна истина, что природа исправит две ошибки хирурга и не простит только третью. Но иногда действительно бывает: тяжелое сопутствующее заболевание, стресс, кровопотеря, которые трудно диагностируются... Приведу пример из моей практики. – Миллер поймал себя на том, что говорит, словно читает лекцию, однако продолжил в том же духе: – Я только окончил институт, поступил в аспирантуру. На первом году мне уже доверяли самостоятельно оперировать, и однажды наш завкафедрой попросил меня удалить липому головы своему другу. Казалось бы, нет операции проще – иссек кожу с липомой, остановил кровоте-

чение и зашил рану. Я прооперировал и отпустил человека домой, не допуская и мысли, что могут быть осложнения. Вдруг на третий день он приходит с полным нагноением раны. Это после липомы! На голове, где практически никогда не бывает нагноений! Молодой здоровый мужик! Друг завкафедрой! Что было!.. – Миллер поежился, вспоминая. – Но мне помогала на операции опытейшая сестра, она подтвердила заведующему, что я работал безупречно. Разумеется, все решили: это случилось из-за того, что пациент был другом заведующего, ведь какой врач не верит в примету «Бойся толстых, рыжих и блатных пациентов»? В общем, мистика и мистика. А через два месяца выяснилось, что у этого человека распространенный рак почки, и нагноение раны получило вполне разумное объяснение.

– С таким закоснелым атеистом неинтересно разговаривать, – пробормотал анестезиолог, проверяя показания монитора. – Наверное, если поднатужиться, всему на свете можно найти разумное объяснение, только станет ли от этого лучше жить? Я предпочитаю думать, что кто-то все-таки есть наверху...

– И считать себя игрушкой в руках судьбы? – неожиданно зло спросил Миллер. – Бог дает, бог не дает... Ах, я не могу выйти замуж из-за венца безбрачия, а вовсе не потому, что у меня невыносимый характер! Но разве мы не должны сами отвечать за свою жизнь? А если признать, что бог есть, то нужно признать и то, что он очень жестоко обходится с людьми, и просить у него милости бесполезно. Нет, бога придумали сами люди, чтобы оправдывать свои слабости и темные стороны своей натуры. У меня есть знакомая, так вот ее мамаша, рассорив ее с очередным кавалером, неизменно говорила: «Это тебя бог отвел». То есть не она виновата в несложившейся судьбе дочери, а некие мистические силы!..

Миллер сам не понимал, с чего это он так завелся. Конечно, речь его была глупой и детской, к тому же на самом деле он верил в бога... И счета у него были не к богу, а к людям.

– Хирургический пинцет на кожу, – сурово скомандовал он. – И вот еще что, – ему было никак не остановиться, – если бог есть, значит, согрешив, всегда можно покаяться, и он простит. Но я не могу поверить, что можно всю жизнь заниматься душегубством, а потом узреть истину, раскаяться и превратиться в праведника.

– Да что ж вы богу покоя-то не даете! – осмелев, воскликнула сестричка.

Буквы «о» были у нее большими-пребольшими, как колеса у телеги, и профессор вдруг ясно представил себе бога – уютного бородатого старичка, ворочающегося под лоскутным одеялом на печке. «Отстань, Димка, – бормотал старичок, натягивая на голову одеяло, – все тебе будет, дай поспать».

– Действительно, не стоит больше его тревожить, – Дмитрий Дмитриевич уже намазывал ушитую рану йодом, – а то разозлится еще и пришлет нам проверку из министерства.

Они с ассистентом пили чай. Миллер слегка забавлялся смущением молодого доктора, которому в присутствии светила нейрохирургии кусок в горло не лез. Потом они вместе записали протокол операции, и профессор, неожиданно для себя, вызвался отнести операционный журнал на место.

– А вы несите историю в реанимацию, – скомандовал он.

Вообще-то не царское дело – таскать меддокументы. Обычно Миллер поручал эту миссию молодым врачам, но сегодня он решил еще раз сам побывать в операционной.

«Я хочу увидеть старшую сестру и договориться, чтобы она все время ставила эту новенькую на мои операции. Думаю, никто не будет возражать, разве что сама девчонка... Но я ничем ее не обидел, а мои требования, завышенные, по мнению других сестер, показались ей нормальными. Никто, даже злейшие мои недруги, не может сказать, что я несправедлив и пристрастен или не умею держать себя в руках. Я строгий и занудливый, это да, но мои требования всегда разумны. И ей самой, раз она такая классная сестра, интереснее будет работать с опытным хирургом, чем с каким-нибудь молокососом».

В операционном блоке было пусто. Миллер прошелся по коридору, заглянул в операционные, в сестринскую – никого. Выглянул на лестницу: там всегда кто-то курил, но сейчас не обнаружилось ни души. Тогда Дмитрий Дмитриевич взгромоздился на высокий подоконник и закурил сам.

Внезапно раздался лязг, стук дверей хозяйственного лифта, и, толкая перед собой гигантскую телегу, груженную банками с антисептическими растворами, на площадке появилась новенькая сестра. Она была уже без шапочки и без маски, так что Миллер смог увидеть короткие, торчащие дыбом волосы (признак не неряшливости, но профессии: у того, кто проводит много времени в хирургическом колпаке, волосы электризуются и торчат в разные стороны) и простенькое веселое личико. Да, интуиция его не обманула: никакой особой красоты маска не скрывала. Глаза девчонки были абсолютно круглыми и радостно взирали на мир из-под высоко поднятых полукруглых бровей.

Она похожа не на яйцо в рюмочке, а на детский рисунок: «Точка, точка, запятая, минус – рожица кривая. Ножки, ручки, огуречик – вот и вышел человечек». Миллер ухмыльнулся и, потушив едва начатую сигарету, прыгнул с подоконника.

Вдвоем они легко завезли каталку в материальную комнату, и сестра принялась расставлять емкости по полкам – ответственное занятие, требующее полной сосредоточенности. На полке, надписанной «Физиологический раствор», должен находиться только он, и ничто иное. Конечно, сестре, берущей со стеллажа флакон, следует обязательно прочесть этикетку на нем, а не только надпись на полке, а потом еще показать флакон хирургу, но никогда не следует надеяться на чужую аккуратность.

– Спасибо, – улыбнулась новенькая, и Миллер понял, что пора уходить. Помогать ей расставлять банки он не мог – негоже профессору выполнять даже не сестринскую, а санитарскую работу.

– Я хотел спросить, как вас зовут, – пробормотал он, глядя, как девушка залезает на стул, чтобы достать до верхних полок. – Мне нужно записать вашу фамилию в протокол операции.

– Таня Усова, – сказала она сверху и наклонилась за порцией банок с растворами. Халат обтянул попу, приподнялся сзади, открыв трогательные ямочки под коленками, и Миллер поспешно уставился в окно. Он вдруг ощутил неловкость – нет, не от вожделения, а от мысли, что хочет обойти девушку с другой стороны и увидеть, как при наклоне в вырезе халата открывается ее грудь. Это было странное, стыдное для взрослого мужчины желание, и, конечно, следовало немедленно уйти, но вместо этого Миллер стоял, прижавшись лицом к стеклу, и с непонятной для себя радостью переживал подростковое томление духа.

– А где все? – спросил он. – Я хотел поговорить со старшей сестрой, но никого на рабочем месте не обнаружил. Куда же они исчезли, Таня?

– Так распродажа сегодня!

– А... – Примерно раз в месяц предприимчивые ребята, мотающиеся в Финляндию, устраивали базар в фойе клиники. Продавали мартини, кофе, чистящие средства и одежду финского происхождения по приемлемым ценам. Иногда Миллер, если попадал на распродажу, тоже что-то покупал, но, как правило, никто не удосуживался сообщить ему, что приехали «челноки» и пора заняться шопингом. – Почему же вы не пошли?

– Как на грех уже сделала все покупки.

Миллер вздохнул. Он был прав: милые медсестры точно решили сделать из новенькой козу отпущения. Умотали на распродажу, отправили ее одну за растворами, хотя в одиночку очень тяжело тащить огромную каталку. И расставлять банки вдвоем гораздо удобнее – одна подает, другая ставит. «Решили отомстить ей за то, что она такая хорошая сестра? И за то, что я ее похвалил? Да, раньше я никого не хвалил, так и не за что было. А ну их всех к черту, пусть видят!»

И Миллер принялся подавать Тане Усовой банки с растворами.

– Ой, нет! – замахала она руками. – Не трудитесь!

– Что вы, какой труд!

– Дмитрий Дмитриевич, идите отдыхайте. Намаялись на операции.

– А вы? Вы же стояли рядом со мной.

Таня засмеялась:

– Сравнили мою работу и вашу! Мое дело маленькое – иглодержатели заряжать, а у вас такое нервное напряжение! Ведь жизнь человека от вас зависит, шутка ли?

– Странно, что вы это понимаете. Обычно наши сестры думают, что я оперирую исключительно ради собственного развлечения и на операции трудятся только они, а я получаю удовольствие.

– Как можно? Идите, Дмитрий Дмитриевич, отдыхайте, – повторила она. – Сейчас девочки вернутся, и мы тут за пять минут справимся.

Что ж, он попрощался и ушел, жалея, что люди, ценящие чужой труд больше, чем свой собственный, встречаются так редко.

В конце недели у Миллера было много дел в городе, и в пятницу он приехал в клинику только после обеда. Здороваясь с ним и принимая у него плащ и зонтик, молодая гардеробщица вдруг захихикала. Дмитрий Дмитриевич надменно шевельнул бровью, обернулся к зеркалу причесаться, и тут ему стала ясна причина ее веселья.

Его собственный большой фотопортрет, уже несколько лет висевший в холле клиники, был безнадежно испорчен. Неизвестный художник внес коррективы в мужественный облик профессора.

Миллер подошел ближе. Его персону снабдили лихо закрученными кавалерийскими усами, ленинской эспаньолкой, парочкой страшных зубов, торчащих изо рта, искривленного в гнуснейшей ухмылке, а также небольшими рожками. В качестве завершающего штриха пририсовали шкиперскую трубку.

Гардеробщица удостоилась редкого зрелища – она увидела, как надменный профессор смеется, глядя на свой изуродованный портрет.

А ему действительно было весело. Когда администрация вывешивала в холле его физиономию для придания большего престижа их скромному заведению, он яростно сопротивлялся, но в конце концов покорился и позволил использовать себя в рекламных целях. Однако при каждом взгляде на свой портрет в парадном костюме Миллеру казалось, что для полноты картины в холле не хватает еловых веток, черных муаровых лент и гроба с его собственным телом. Теперь это ощущение исчезло.

Подмигнув оторопевшей гардеробщице, профессор причесался несколькими энергичными движениями и отправился в отделение.

Миллера в коллективе уважали, но не любили. Такое сочетание встречается редко, на порядок реже, чем обратное, но с Дмитрием Дмитриевичем дело обстояло именно так. Он был превосходным хирургом, талантливым ученым, честным человеком. Не интриговал, не добивался повышения, и казалось, что роль второго профессора на кафедре нейрохирургии вполне его устраивает. На работе он проводил львиную долю своего времени, никогда не отказывал в помощи коллегам, часто выручал проштрафившихся докторов на ЛКК, но за десять лет работы в клинике ни с кем не подружился.

Эта странность легко объяснялась бы завистью менее успешных коллег, а также исконно русским недоверием к честным людям, если бы не одно обстоятельство – Миллера не любили и женщины, хоть он был молод, очень хорош собой и свободен.

Такое отношение слабого пола к красивому высокому мужчине с широкими плечами и стройными ногами не укладывалось в привычную картину мира. Но факт оставался фактом.

Сотрудницы больницы, дамы за сорок, смотрели на Миллера с презрением и величали его Печориным недоделанным и Чайльд Гарольдом, а дамы помоложе, не столь перегруженные изучением классической литературы в школе, попросту называли его «фашистом». Отчасти этому способствовала классическая арийская внешность молодого профессора.

Миллер знал об этой нелестной кличке и даже считал, что заслужил ее, ибо не ведал по отношению к подчиненным ни жалости, ни сострадания. «Так лучше для дела», – всякий раз говорил он себе, когда начинал думать о том, что существует в полной психологической изоляции от коллег. Он был абсолютно убежден, что дружба на работе или, не дай бог, роман ни к чему хорошему привести не может. Ведь рано или поздно друг или любовница начнут считать, что неформальные отношения дают право на поблажки, и тогда придется или самому исполнять их обязанности, или мириться с нарушениями трудовой дисциплины.

Особенно актуально это стало теперь, когда замаячила отставка старого профессора Криворучко. Официально приказа еще не было, но все знали, что через несколько месяцев Миллер возглавит кафедру вместо него. Естественно, многим хотелось бы подружиться с новым начальником, поэтому все попытки к сближению расценивались Миллером как подхалимство.

Вдруг хлынул ливень. От туч, быстро затянувших небо, стало темно, и хмурые корпуса клиники расцвели желтыми теплыми кляксами освещенных окон.

«В такую погоду нужно пить чай с многочисленным семейством, а не торчать на работе», – подумал профессор, закурил и устался в окно. Недавно администрация клиники открыла хозрасчетный центр реабилитации больных, перенесших инсульт, и сотрудникам пришлось изрядно потесниться. Больше всех пострадал Миллер, которому из роскошного кабинета со старинной дубовой мебелью, настоящей обители ученого, пришлось перебираться в крохотную каморку на первом этаже. Повозмущавшись для порядка, Дмитрий Дмитриевич собрал вещи и переехал. Дубовые раритеты остались хозрасчетникам – в новый кабинет еле поместились сам Миллер, компьютерный стол, стеллаж и кушетка для пациентов.

«Интересно, кто поглумился над моим портретом? – лениво размышлял он, глядя в окно своей каморки. – Ординатор какой-нибудь, а может, пациент из наркоманов... Или медсестра в меня влюбилась? А что, вполне возможно. Молоденькая дура после училища ходила, вздыхала, потом поняла, что ничего не светит, и отомстила, как могла. Хотя... что-то не замечал я в последнее время влюбленных женских взглядов. И молоденьких сестер тоже, кстати».

Он сдвинул горшки с цветами и уселся на подоконник. Глупо было тратить рабочие часы на размышления о неизвестном художнике, вместо того чтобы закончить статью, но Миллер ничего не мог с собой поделать. Он внимательно наблюдал, как тяжелые капли дождя срывают с веток последние листья, а дорожка между корпусами превращается в ручей.

Say good bye to rainy days – всплыла в памяти строчка из популярной песни его юности. «Скажи «прощай» дождливым дням»... Песня нравилась Миллеру, но он не мог понять слов, кроме первой строки припева. Черт его знает, о чем там шла речь на самом деле, но ему хотелось думать, что о человеке, для которого прошло время невзгод и тяжелых испытаний и наступила радостная, безмятежная пора.

На дорожке появилась женщина; занятый своими размышлениями, Миллер не заметил, откуда она взялась. Вроде бы секунду назад никого не было – и вот, пожалуйста, перескакивает с одного камушка на другой, как горная коза. Женщина вымокла до нитки и зонтик над головой держала скорее из принципа, ведь понятно было, что он не защищает от ливня.

Присмотревшись, Миллер узнал свою бывшую любовь Веронику Смысловскую¹.

---

¹ Истории любви Миллера и Вероники посвящен роман М. Вороновой «Апельсиновый сок».

Он бесстрашно распахнул окно и позвал ее. Пришлось орать во все горло, чтобы перекрыть шум дождя, и Вероника сразу его услышала. Прыгая по условно сухим местам дорожки, как балерина на пуантах, она приблизилась к окну.

– Здравствуй, Дима.

– Здравствуй! Сейчас, погоди минутку... – Миллер взял офисный стул и спустил его на лицевую сторону, под окно, так что получилось крылечко. – Забирайся.

Он помог Веронике влезть в окно, забрал с улицы стул и закрыл створки.

– Вот, возьми полотенце, вытрись. Сейчас сделаю чай.

Она энергично вытерла голову, отчего стала похожа на удода. Но несколько взмахов расчески тут же вернули Смысловской ее обычный безупречный облик.

– Как ты здесь очутилась? – Миллер расставлял на компьютерном столе чашки и нехитрое угощение.

– Анализы сдавала.

– Проблемы со здоровьем?

Вероника сплюнула через плечо и постучала по столешнице.

– Плановое обследование. Решила сделать анализы и пройти специалистов в вашем хозяйственном центре, а не мыкаться по поликлинике.

Бессмысленно было спрашивать, почему Вероника Смысловская, главврач одной из питерских больниц, не прошла обследование по месту работы. В отношении служебного положения она была болезненно щепетильна.

Миллер загляделся на Веронику. Ее живот был уже очень заметен, лицо округлилось, губы вспухли, как это обычно бывает у беременных. Вдруг он подумал, что ни одна женщина не носила под сердцем его дитя, и расстроился. Но огорчило его не отсутствие потомства, а то, что ему ни разу не пришлось быть виновником этой загадочной метаморфозы, происходящей в женщине, когда она ждет ребенка.

Он не слышал, как жену тошнит по утрам, не видел, как растет ее живот, как смягчается лицо, теряя определенность черт... Не держал руку на животе, ожидая, пока ребенок пошевелится...

Чтобы Вероника не заметила его грусти, Миллер преувеличенно бодро спросил, кого они ждут.

– Не знаю, на УЗИ не видно. Да нам все равно, Дима.

Она сняла промокшие туфли и пристроила их к батарее. Дмитрий Дмитриевич опытным взглядом отметил отеки ног – края обуви оставили на ступнях глубокие борозды.

– Знаешь, чаю я тебе, пожалуй, не дам. В твоём положении нужно ограничивать прием жидкости.

– Угу, – мрачно согласилась Вероника. – Если тебе надоест работать нейрохирургом, ты всегда сможешь рассчитывать на место в женской консультации. Основной постулат ведения беременных ты знаешь. Ни грамма воды!

– А вот сушку можешь взять.

Она взяла, но, вместо того чтобы съесть, принялась играть с ней. Узнав о своей беременности, Вероника бросила курить, и теперь ей нужно было постоянно что-то крутить в пальцах вместо сигареты.

– Сам-то пей, не обращай на меня внимания.

– Не так уж и хотелось, – буркнул он, полотенцем вытирая лужу под подоконником. Ливень ворвался в комнату вместе с Вероникой, на профессора тоже попало, но ему было лень сушиться.

– Да, плохой из меня теперь компаньон, – вздохнула Вероника. – Ни покурить, ни чаю выпить. Даже поговорить не о чем, я способна думать только о своей беременности. Я так боюсь, Дима...

– Брось. Все женщины через это проходят. Человечество вымерло бы, если бы роды были невыносимо болезненны.

– Да не боли я боюсь! Я готова терпеть любые муки, лишь бы только родился живой и здоровый ребенок. Мне ведь почти сорок. Высокий риск болезни Дауна...

Миллер махнул рукой. С другой стороны, с кем Вероника еще могла обсудить свои страхи? Муж, конечно, мог приободрить ее, но он был очень далек от медицины.

– Вот сама рассуди. Раньше рожали по десять-двенадцать детей, правда? У моей бабушки по отцу было семеро братьев и еще две сестры умерли в детстве. А с маминой стороны прабабушка родила тринадцать детей.

– К чему это ты? Мне столько уже не успеть...

– Просто обычная арифметика. Если даже начинать карьеру многодетной матери в шестнадцать лет, последний ребенок как раз к сорока подоспеет. И это в девятнадцатом веке были не уникальные случаи, а повсеместная практика, но что-то я не читал о широком распространении синдрома Дауна в царской России. Все нормально у тебя будет! – Миллер вдруг хищно ухмыльнулся. – Должно же тебе счастье привалить после стольких лет одиночества и мучительного романа с таким негодяем, как я.

– И то правда. – Вероника ласково улыбнулась ему в ответ.

– У детей с синдромом Дауна обязательно присутствуют пороки развития, которые видно на УЗИ. Тебе же ничего такого не сказали?

– Нет.

– Ну вот, значит, все в порядке.

Миллеру очень хотелось курить, но в присутствии беременной женщины это было не комильфо, поэтому он решил выпить кофе и заново включил чайник.

– Вообще-то мальчик лучше, – убежденно сказал он. – Девочка – это тихий ужас. Сначала эти бантики чертовы, косички «как у Таньки», а откуда я знаю, как у Таньки? А потом... Как говорится, что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом! Старшим братом *in loco parentes*² не легче, доложу тебе. Месячные, непременно совпадающие с каждым уроком физкультуры, истерики из-за фигуры... А сколько слез было пролито на моем плече от того, что она не может выглядеть круче всех на дискотеке! Ниагарский водопад отдыхает. Потом эта борьба за девственность... Ты не представляешь себе, сколько сил мне пришлось потратить, чтобы довести сестру чистой до брачной постели. Она была красивой девицей, и вокруг нее постоянно вились какие-то проходимцы, с каждым из которых она готова была лишиться невинности.

Вероника изумленно посмотрела на Миллера. Она никак не думала, что его так занимал этот аспект воспитания младшей сестры.

– Дима, но сейчас все девчонки пробуют...

– Вот именно! Она мечтала избавиться от своей девственности больше, чем иные от подростковых прыщей. С кем угодно, без любви, без нежности, подвергая свое здоровье опасности, лишь бы не быть хуже одноклассниц! Лишь бы не стоять с глупым видом, когда эти шалавы малолетние на переменах обсуждают подробности... Хорошо еще, соседка мне на нее постоянно стучала, так что я в последний момент успевал, а иначе не уберег бы.

– Это было для тебя так важно, Дима? – спросила Вероника. – В конце концов...

– Никаких концов я не знаю и знать не хочу! – Миллер говорил так пылко, будто проблема еще не потеряла актуальности. – Я не мог допустить, чтобы моя сестра опозорила мой род. Как бы я потом смотрел в глаза ее мужу?

– Но это же Средневековье какое-то, – пробормотала Вероника и почувствовала, что краснеет. – Объясни, почему для тебя это так важно?

---

² *In loco parentes* – здесь: замещающим родителей (*лат.*). – Здесь и далее примч. автора.

– Потому что я сам не мог бы жениться на женщине, которая готова разделить с мужчиной постель, но не готова разделить с ним жизнь. Если она была с кем-то до меня и эти отношения ни к чему не привели, о чем я должен думать?

– Мало ли о чем... Разные бывают ситуации.

– Да не смущайся ты! – Миллер наконец улыбнулся. – Во-первых, о присутствующих не говорят, а во-вторых, ты всегда была для меня чистой и порядочной женщиной. В тебе есть внутреннее достоинство.

– Спасибо. Но часто бывает, что женщина надеется выйти замуж, а мужчина обманывает ее.

– Камень в мой огород?

– Боже упаси.

– Я тебе скажу, ничто не мешает этой женщине подождать до бракосочетания. Если мужчина любит, он поймет и оценит, какой бы средневековой дикостью это тебе ни казалось. А если женщина идет на все, лишь бы только на ней женились, значит, у нее проблемы с чувством собственного достоинства. Постелью не удержишь – это вечная и незыблемая истина.

Вероника скорчила смешную рожу и запричитала:

– Слушай, как же ты будешь жениться-то? В нашем-то грешном мире? Это ж тебе в начальной школе невесту искать придется!

Чайник закипел, и Миллер мстительно приготовил себе растворимый кофе. Потом вспомнил, что этот напиток обладает мощным мочегонным действием, и приготовил полчашечки Веронике. Лишний диуретик пойдет ей только на пользу.

– Это надо же, какие мысли всерьез занимают тебя! – продолжала Вероника. – Нашел главный принцип выбора жены! Выбираешь по единственному критерию, который, кстати, исчезнет после первой брачной ночи, а все остальное, извини, останется. И с этим остальным придется жить. Нет, ты делай, конечно, как знаешь, просто мне это кажется глупым. В конце концов, если бы все хранили целомудрие, с кем бы ты грешил?

Миллер вдруг зачарованно уставился на нее и улыбнулся так ласково...

– А я ни с кем, кроме тебя, и не грешил, – сказал он.

– Да ладно!

– Честное пионерское. Ты была моей первой женщиной. Просто ты тоже была не особо искушена, поэтому и не поняла. Потом, когда мы расстались, я жил монахом несколько лет, переживал половое созревание сестры.

– Слушай, а у тебя же была невеста, фотомодель, – вспомнила Вероника. – Наташа, да? И у нее был ребенок, что как-то не вяжется с твоими прокламациями невинности... Или ты тогда еще не знал, откуда берутся дети?

Миллер хотел прекратить этот вечер воспоминаний, а потом подумал: почему бы и нет? Дождь не переставал, и выгнать под него только что обсохшую Веронику было бы жестоко. Даже если вызвать машину, ее все равно не пропустят на территорию клиники, а пока Вероника дойдет до ворот, снова вымокнет до нитки. И почему бы, в конце концов, не обсудить свою жизнь с человеком, которого он всегда уважал и ценил? Которого мог бы полюбить, если бы строго-настрого не запретил себе это делать?

– Наташа была очень красивая, – объяснил он, – просто обалдеть какая, да ты сама ее видела. А я как раз только что выдал замуж сестру, похоронил мать. Остался один, как Дункан Маклауд. Думаю, вот она, свобода! Хочу – в Москву еду, хочу – бабу к себе веду! И я решил поставить эксперимент. Выбрал самую красивую девушку, и все сразу получилось. А потом она мне о себе рассказала, и, знаешь, я ее так заужавал... Прекрасная хозяйка, ответственная мать, честная женщина. Оступилась по юности, но урок усвоила, нашла силы подняться, сохранить себя. Разве она виновата, что рядом с ней не было такого брата-цербера, как я? Все было у

нас хорошо, но я ее не любил. Уговаривал себя, что внебрачные дети ничего не значат, но уговорить так и не смог. А потом... потом она быстро выскочила замуж...

– А ты ко мне приехал, – натянуто сказала Вероника, – к проверенному кадру. Но у тебя ведь после Наташи был еще один короткий роман, я знаю.

Шум ливня стих, и Дмитрий Дмитриевич прижался лицом к окну, посмотреть, не кончился ли дождь. Нет, на поверхности луж весело кипели пузыри.

Пользуясь тем, что он отвернулся, Вероника быстро приготовила себе еще кофе.

– Но когда и он не удался, ты решил, что эпизодический секс без любви подойдет тебе лучше всего, вот и прикатил ко мне в Москву.

– Какой смысл говорить об этом сейчас? Ты ведь счастлива со своим мужем?

Вероника кивнула и погладила его по руке.

– Вот я тебя послушала и подумала: каким прекрасным отцом семейства ты мог бы стать! Ты просто создан быть главой патриархальной бюргерской семьи с домовитой женой и кучей детей. Ты такой ответственный, порядочный, нравственный! Но вместо того чтобы искать себе жену, руководствуясь разумом, ты дожидаешься, пока к тебе придет любовь. Ты не можешь признаться себе в том, что не способен на это чувство. Просто природа у тебя такая.

Миллер хотел сказать, что Вероника специально так говорит, чтобы обидеть его, а потом задумался над ее словами. Он умел конструктивно воспринимать критику. Любые замечания были для него в первую очередь информацией к размышлению. «Вполне возможно, что Вероника права, – признал он. – Даже в моей юности не было женщины, ради которой я готов был умереть. Так зачем я столько лет жду чуда? Я эмоционально холоден от природы и, кроме того, озлоблен свалившимися на меня в юности бедами и предательством родных. Я не могу влюбиться страстно и мучительно. Нужно признать это и заняться поисками подходящей жены, если я вообще хочу жениться».

Почему-то подумалось о Тане Усовой. Чем не жена? Веселая, уютная... Хорошая хозяйка, судя по тому, в каком порядке у нее операционный стол.

* * *

...Поздним вечером, сидя дома перед телевизором, он представлял, как Таня Усова готовит ему ужин.

Глупые мысли, ведь после ужина люди ложатся в постель, а как женщина она совсем ему не нравилась.

На следующее утро он долго не мог понять, почему ему так хочется на работу.

– Нет, это не потому, что я снова увижу Таню Усову, – строго сказал он своему отражению в зеркале, бреясь, – она, конечно, очень милая девушка и хорошая сестра, но влюбляться я не собираюсь. Я же ее совсем не знаю, она вполне может оказаться непроходимой дурой. Скорее всего так оно и есть, иначе сложно объяснить ее жизнерадостность. Пожалуй, я не буду просить Ирину Анатольевну закрепить ее за мной. Слишком много чести! Не такая уж она выдающаяся мастерица своего дела, просто выделяется на общем фоне плохо подготовленных невоспитанных сестер.

У него не было плановых операций, и целый день Миллер убеждал себя, что ему совсем не хочется зайти в оперблок посмотреть на Таню. Но идти все же пришлось.

Обычно самые героические поступки совершаются в конце рабочего дня. Именно часам к трем доктора начинают соображать, что с их пациентами происходит что-то неладное. Сколько раз было, что Миллер целый день изнывал от безделья, но стоило собраться домой, как прибежал молодой врач и аварийным шепотом докладывал, что у такого-то больного нарастает очаговая симптоматика и, наверное, придется оперировать. Вот и сегодня.

Миллер спустился в оперблок.

– Ирина Анатольевна, мне нужна операционная.

– Идите в экстренную, – пожала плечами старшая сестра, – мы уже все размываем.

– Но предстоит сложное вмешательство, а в экстренной ни света нормального, ни инструментов, вы знаете.

Старшая фыркнула и демонстративно переложила сигареты из кармана халата в сумку.

– Где же вы раньше были? У нас через час рабочий день кончается. И не надо мне говорить про священный долг, – замахала она руками, хотя Миллер ни слова не сказал. – Никакого героизма мы не собираемся проявлять, ибо героизм есть обратная сторона идиотизма, собственного или чужого. Вы проспали больного, а я теперь что, до ночи должна на службе торчать из-за вас?

– Не из-за меня. Из-за пациента. Наша экстренная операционная приспособлена только для самых незатейливых вмешательств. Я просто боюсь оперировать там.

– Подождите до завтра. Обещаю, найду вам место прямо с утра.

– Нет, такую ответственность я на себя не возьму. До завтра больной может умереть.

– Я могу вас пустить, – вдруг просунулась в дверь круглая рожица. – Ирина Анатольевна, я стол еще не разбирала. Пусть везут, а после операции я сама все помою и запру. Ключи на вахту сдам.

Старшая болезненно поморщилась. Ясно было, что ей не хотелось создавать прецедент, но теперь ее отказ выглядел бы самодурством.

Миллер вышел в коридор.

– Спасибо вам, Таня.

– Не за что пока.

– Можно подавать больного?

Девушка смешно насупилась.

– Так, – сказала она после недолгих размышлений. – Минут через пятнадцать везите, не раньше, я пока стол протру и анестезиологам позвоню. Вы дайте мне свой номер мобильного, я вам эсэмэску пришлю, когда можно будет идти оперировать.

Он смотрел на нее во все глаза. Наверное, так бывает удивлен молодой муж, обнаружив, что жена не только великолепная кулинарка, но еще футбольная болельщица и фанатка подледной рыбалки.

– Вы хотите сказать, что сами все организуете? – недоверчиво переспросил он. – А мне останется только оперировать?

– Да, а что такого? Ведь не поп за службой, а служба за попом ходит.

Первое впечатление не обмануло. Как ни стремился Миллер убедить себя в обратном, следовало признать, что в Тане он нашел компетентную, неутомимую и веселую помощницу.

Операция длилась уже шесть часов, рабочий день давным-давно закончился, но Миллер не услышал ни одной жалобы, ни одного упрека в свой адрес. Наоборот, те немногие слова, которые Таня позволила себе сказать во время операции, действовали на него как глоток крепкого кофе. Ближе к концу, когда профессор был уже измотан и никак не мог найти источник кровотечения, он раздраженно потребовал поменять ему перчатки: эти якобы расползлись и мешают оперировать. На самом деле перчатки были как перчатки, просто Миллеру требовались хотя бы две минуты тайм-аута. Он был готов к возражениям, что перчаток и так мало и нечего менять, если не рваные, но Таня безропотно отошла с ним к большому столу и передела.

– Любой каприз! – сказала она весело, и Миллер вдруг почувствовал прилив сил.

Да, Таня Усова оказалась редкостным бриллиантом, и он радовался, что разглядел ее раньше других и успел зарезервировать за собой.

Она всегда находилась в полной боевой готовности и превосходном расположении духа. Теперь, когда речь заходила о дополнительной операции, Миллер слышал не «О госсподи!», как раньше, а «Хорошо, везите». Ему не сразу удалось к этому привыкнуть.

Его операции, особенно вмешательства на позвоночнике, часто продолжались по многу часов. Сверхурочные не оплачивались и не компенсировались отгулами, предполагалось, что если профессор не успевает закончить операцию до конца рабочего дня, то он сам дурак и так ему и надо. Поэтому Миллер привык, что после трех часов дня операционная сестра начинает ныть, подгонять его и жаловаться на свою тяжелую долю. В принципе Дмитрий Дмитриевич признавал за ней это право и не одергивал, если сестра держалась в рамках приличия.

Каково же было его удивление, когда в положенное время он не услышал от Тани ни слова упрёка! Он даже почувствовал себя неуютно. Чего-то не хватало, и Миллер внезапно принялся оправдываться:

– Очень сложный случай, поэтому так долго... Тут сплошные рубцы в зоне плечевого сплетения, пока нервы в них выделишь...

– Вы, главное, не волнуйтесь, – сказала Таня. – Работайте, на нас внимания не обращайтесь. Профессор чуть ножницы не выронил.

Вообще-то язычок у нее был острый. Но грубоватые шутки, которые Таня иногда позволяла себе, почему-то не обижали.

Однажды Миллер ставил металлическую конструкцию при переломе позвоночника. Чертова конструкция, ничем не примечательный на вид набор железок, стоила три тысячи долларов, и профессор очень волновался, что может испортить такую дорогую вещь.

– Только бы не накосяпорить, – напряженно бубнил его ассистент Чесноков, у которого от мысли о том, какими огромными деньгами они сейчас ворочают, пропала вся обычная жизнерадостность и невозмутимость.

Миллер молча скрипел зубами, стараясь не думать, что с ним сделают родственники больного, если он неправильно прикрутит какую-нибудь гайку. Он вообще не любил синтетические конструкции. Насколько хорошо он понимал и ощущал человеческие ткани, настолько же беспомощным чувствовал себя лицом к лицу с техническим прогрессом. Поэтому он и взял в помощники Чеснокова, который в свободное время торговал на авторынке красками, имел автомобиль и считался среди женского коллектива крупным авторитетом по вбиванию гвоздей и закручиванию гаек. Хуже всего было то, что конструкция не подлежала повторной стерилизации, вскрытие упаковки до начала операции запрещалось, поэтому нельзя было заранее в спокойной обстановке изучить, как она устроена. Ознакомиться с ней удалось лишь перед самым началом операции, когда все уже надели стерильные халаты и перчатки, а Таня выложила элементы конструкции на свой столик. Изучая их, приходилось соблюдать конспиративные меры, ибо больной еще не получил наркоза и его могли насторожить восклицания вроде: «А эту хрень куда? Блин, как тут все непонятно! Вот чертова бандура!»

Но они справились! Миллер перенервничал, но конструкция поместилась как надо.

Для проверки профессор сделал интраоперационную рентгенограмму и, прежде чем ушивать рану, с законной гордостью полюбовался безупречным снимком. Конструкция встала как влитая.

– Ах, какой я молодец! Как у меня все хорошо стоит! – воскликнул Миллер и услышал в ответ:

– Рада за вас!

Таня откровенно смеялась, но профессор, вместо того чтобы отчитать ее за неуместную шутку, вдруг расхохотался сам.

Многие хирурги обращаются к операционным сестрам не по имени, а ласковыми прозвищами. Миллер никогда не нуждался в «лапочках», «детках» и «уважаемых». Обладая хорошей памятью, он знал по имени-отчеству всех сотрудников клиники.

Но вдруг обнаружил, что, называя новую сестру «Таня», неизменно думает о ней что-то вроде «солнышко мое».

Он решил, что с этим пора завязывать.

«Да, она милая и отзывчивая, но мы совершенно разные люди, – строго говорил он себе. – Она простая медсестра, к тому же много моложе меня, и этим все сказано. Допустим, я приглашу ее на свидание. О чем мы будем разговаривать? Ну сначала она расскажет о себе, потом я. Я, понятно, не скажу ей правды, и она скорее всего тоже. А потом? Обсудим сериалы? Леонардо Ди Каприо? Или без долгих предисловий ляжем в постель? Но я ее не хочу. Странно, мне хочется ее видеть, стоять с ней бок о бок на операции, но в постели я скорее всего потерплю позорное фиаско».

Дмитрий Дмитриевич представлял себе раздетую Таню – короткая шея, большая грудь, выпуклый мягкий живот... Нет, эти прелести не для него.

Глава 2

Понукаемый профессором Криворучко, Миллер поехал на заседание нейрохирургического общества. Валериан Павлович считал, что теперь Диме необходимо обрастать новыми полезными знакомствами и показывать себя. «Скоро ты будешь представлять всю кафедру, поэтому не имеешь права сидеть в своей норе! Яви себя миру!» – призывал заведующий. Миллер мог бы ответить, что прекрасно заявляет о себе регулярными публикациями в солидных журналах, но вместо этого собрался и поехал в Поленовский институт.

Бывая на разного рода научных конференциях, он всегда испытывал сложное чувство. Большинство коллег были, безусловно, могучими хирургами и прекрасными учеными, их выступления помогали Миллеру в его собственных научных изысканиях. Но в кулуарах масти-тые так любили хвастаться! Они вещали о том, как убрали метастаз из ромбовидной ямки, как сделали резекцию позвоночника при раке легкого... Миллер знал, какой адский труд стоит за всем этим, и убеждал себя, что человек, сутки простоявший у операционного стола, имеет право говорить о своих достижениях, но все же слушать коллег было почему-то неприятно. Дмитрию Дмитриевичу казалось: они вовсе не думают о том, что за каждой операцией стоит человеческая жизнь и судьба. Нельзя, думал он, так весело и гордо вещать о своих достижениях, будто ты оперируешь кроликов, а не людей. Он давно понял, что на научные сборища люди ходят не набраться новых знаний, а показать себя с лучшей стороны, пустить коллегам пыль в глаза.

Сам Миллер никогда не хвастался, но и не восхищался хирургическими подвигами других. Чтобы его не трогали, в перерывах между заседаниями он обычно курил с самым надменным выражением лица, чем прочно снискал себе репутацию гордеца и нелюдима.

Он устроился в последнем ряду. Огляделся – народ сидел жидковато, рядом с ним вообще никого не было, поэтому он с чистой совестью достал свой новый мобильный телефон.

Первый мобильник он приобрел, когда обходиться без него стало уже неприличным. Все, даже практикантки из училища, давным-давно не мыслили без него своего существования, а устанавливать местонахождение в клинике профессора Миллера приходилось по старинке – с помощью коммутатора и личного сыска. Кончилось тем, что администрация обязала его приобрести сотовый. В то время как раз проходила рекламная кампания новой сети, и Миллеру удалось почти бесплатно обзавестись простеньким телефоном. Дешевая сеть предоставляла абонентам связь ужасного качества, но для того чтобы понять, что коллеги нуждаются в помощи, ее вполне хватало.

Однажды ему позвонил Чесноков. Миллер традиционно побегал по комнате, крича «Алло, алло!» в поисках сигнала, и вдруг услышал:

– Вот жмот несчастный! Задолбал своей дешевой связью, немецкая морда! Охрипнешь, пока его дозовешься!

Дмитрий Дмитриевич изумленно уставился на трубку. Он не сразу сообразил, что Чесноков не слышал его, из чего заключил, что Миллер не слышит его тоже, вот и высказался от души.

– Своеобразно вы просите профессора о помощи, – сказал он холодно, придя в операционную, где Чесноков маялся в поисках плечевого нерва. – Вам что нужно, звонок другу или помощь зала?

Первое обозначало, что требуется простой совет от более опытного доктора, а помощь зала подразумевала, что более опытный доктор должен помыться на операцию и оказать практическую помощь растерявшемуся коллеге.

– Лучше уберите два неверных варианта, – хмыкнул Чесноков. Извиниться он даже не подумал.

После этого случая Миллер поменял оператора. Связь стала намного лучше, появились разные экзотические и, в общем, ненужные ему услуги, вроде фиксации непринятых звонков и голосовой почты, но зато и плата непомерно возросла. Раньше он покупал карточку за 150 рублей и надолго забывал об оплате, а сейчас... Только-только вырвал из бюджета пятисотенную, и пожалуйста – «вы приближаетесь к порогу отключения». Не слишком ли большая цена, чтобы его не называли жмотом и немецкой мордой?

Кроме того, купив телефон, Миллер вдруг понял, что людей, которым ему хотелось бы дать свой номер, очень мало. Звонили ему только по работе. Оказывается, он даже более одинок, чем думал...

Но недавно, повинуясь какой-то детской зависти, Дмитрий Дмитриевич поменял своего дедушку мобильных телефонов на роскошную, по его понятиям, модель. Его вдруг задело, что у клинического ординатора Чеснокова телефон на порядок лучше, чем у него, ведущего нейрохирурга города.

Истратив почти десять тысяч на продвинутый аппарат, Миллер тут же пожалел об этом. Познать все функции новой игрушки ему было не дано. Какой-то блютуз, MMS, выход в Интернет... «Да уж, как человек пользуется всего одним-двумя процентами своего мозга, так и я владею одним процентом опций своего мобильного», – вздыхал профессор, с трудом научившийся фотографировать с помощью телефона.

Сейчас, когда слушать докладчика было невыносимо скучно, Миллер занялся изучением меню.

Выступал профессор Максимов. Он был старше Миллера лет на десять, но тоже еще считался молодым профессором. Миллер знал его со своих студенческих времен.

Это был высокий худой брюнет, которого природа замыслила создать красавцем, но с задачей не справилась. Казалось бы, все в порядке – высокий лоб, большие черные глаза, крупный прямой нос и чувственный рот. Максимов не лысел, его густые волосы лежали красивой аккуратной волной. Но что-то смутное, неуловимое делало это лицо неприятным. Омерзительным, говорил прямолинейный Криворучко. Может быть, скошенный подбородок или слишком яркие губы, которые Максимов пытался замаскировать усами? Или мрачный взгляд тусклых глаз? Валериан Павлович выходил из себя при каждом упоминании о профессоре Максимове, называл его «гнида» и «ржавые мозги» и без колебаний определял у него эпилептоидный склад личности.

У них имелись основания не любить Максимова. В свое время он был назначен официальным оппонентом на защите докторской диссертации Миллера.

Как было принято, Дмитрий Дмитриевич повез ему экземпляр работы, бутылку хорошего коньяка и «болванку» максимовского отзыва. Обычно коньяк выпивается, диссертация проглядывается по диагонали, в отзыв вписываются замечания, «не снижающие научной ценности работы», а потом оппонент выступает на заседании ученого совета, участвует в банкете, и на этом его обязанности завершаются. Но профессор Максимов был не из таковых!

Работа Миллера была новаторской. Хирургия метастатических опухолей позвоночника находилась еще в зачаточном состоянии, и вполне рядовые для современного человека вещи выглядели тогда дерзким вызовом официальной медицине.

– Я не могу согласиться с вашими идеями, – сообщил Максимов. – То, что вы предлагаете, – это утопия, дикость, бред.

– Вы и не должны соглашаться! На то вы и ученый, чтобы иметь свое мнение.

Но вместо того чтобы написать отзыв, Максимов стал требовать переделать работу. Он считал, что необходимо сравнить отдаленные результаты у больных, перенесших операцию, и тех, кто получал симптоматическое лечение. Но это было невозможно, поскольку операции, которым посвящалась диссертация Миллера, стали проводиться всего три года назад, и не прошло еще достаточно времени, чтобы отследить отдаленные результаты. Кроме того, операции

эти делались обычно по жизненным показаниям, то есть в первую очередь Миллер устранял непосредственную опасность для жизни больного, а потом уже задумывался о влиянии операции на избавление от опухоли.

Диссертацию сняли с защиты. Из-за бюрократической процедуры поменять содержание работы было проще, чем оппонента, и Миллер, скрипя зубами, принялся переписывать ее. Он часами сидел в сыром и холодном архиве, перебирая кучи историй болезни, чтобы подтвердить вполне очевидную истину – люди с метастатическими опухолями позвоночника, не получив специального лечения, быстро становятся инвалидами и умирают.

За два месяца диссертация была переделана. По мнению научного консультанта Криворучко, она изменилась к худшему, глава об отдаленных результатах выглядела уродливым грибом-паразитом на стройном дереве миллеровской хирургической мысли, но с этим уже ничего нельзя было поделать.

Однако Максимов не уgomонился. Изучив переделанную работу, он сказал, что все равно идеи Миллера псевдонаучны, поэтому отзыва он писать не будет.

«Все-таки вы еще очень молоды для докторской диссертации, – снисходительно улыбнулся он. – Давайте поступим так: принесите мне все, что написали, я посмотрю, посоветую...»

Между тем день защиты был уже назначен.

– Вы не можете отказаться дать отзыв, – сказал Миллер, – поскольку это входит в круг ваших должностных обязанностей. Но вы имеете полное право дать отрицательный отзыв. Пишите все, что считаете нужным. Я даже не буду настаивать на том, чтобы вы заранее ознакомили меня с содержанием отзыва, хотя это тоже ваша обязанность. Встретимся на защите, и пусть члены ученого совета нас рассудят.

И Максимов струсил! Понимая, что в честной схватке Миллер легко одержит победу и, если захочет, выставит его, Максимова, идиотом, он написал положительный отзыв, причем в разделе «замечания» указал лишь на стилистические неточности.

Защита прошла блестяще.

С тех пор утекло немало воды, но два профессора продолжали здороваться сквозь зубы. В принципе Миллер не держал зла на несчастного Максимова и даже уважал его за трудолюбие и упорство. Максимов действительно пахал как проклятый, но вспахивал он, увы, бесплодную почву... Это был классический случай человека не на своем месте. Наверное, он и сам понимал, что до профессорского уровня не дотягивает, ведь ученый должен быть не только добросовестным статистиком, но еще и генератором идей. А у Максимова, кажется, не хватало даже фантазии своровать научную мысль у какого-нибудь молодого талантливого ученого.

Но Криворучко при упоминании Максимова заводился с пол-оборота.

«Выше галстука он настоящий Буратино! То есть голова у него деревянная, – пояснял профессор для непонятливых. – Наш доблестный друг вползает в науку задницей вперед, собирая и обобщая никому не нужный материал, в сто пятый раз доказывая очевидные истины. Изливает чернильные облака, как осьминог, дурость свою маскирует».

Максимов был профессором медицинского факультета университета, недавно его назначили главным нейрохирургом города. Миллер не знал, имел ли он покровителя или достиг своего положения благодаря трудолюбию. Как бы то ни было, Дмитрий Дмитриевич считал себя обязанным уважать человека, добившегося таких успехов.

Хирургом Максимов был слабым, самостоятельно делал только самые простые операции, из-за чего в городе над ним подшучивали. Миллер, наоборот, считал, что трезво оценивать свои возможности и не рисковать чужой жизнью в угоду собственным амбициям – прекрасное качество.

...Несколько минут он честно слушал оратора – вдруг порадует общественность свежей научной идеей? Увы, чуда не случилось, шел обычный нудный бубнеж о применении новых методов физиотерапии в лечении корешкового синдрома. От скуки Миллер послал шутливую

эсэмэску Веронике Смысловской, потом попытался освоить игру «Черви», но ничего не понял и отказался от этой затеи. Убрав телефон, он уставился на докладчика, лениво размышляя, почему его так бесят хорошие манеры Максимова и его пристрастие к классическому стилю в одежде.

Максимов неизменно носил костюмы с галстуками и невыносимо напоминал в них гробовщика, даже если костюм был не черным. Миллер не считал себя знатоком мужской моды и не мог определить, куплен костюм в хорошем магазине или на ближайшем вещевом рынке, но каково бы ни было его происхождение, на максимовской фигуре он всегда сидел уныло.

Сам Дмитрий Дмитриевич рос в семье с петербургскими аристократическими корнями и до автокатастрофы, унесшей жизнь отца и рассудок матери, успел получить хорошее воспитание. Казалось бы, он должен был ценить манеры коллеги, который всегда вставал, если в комнату входила женщина, и никогда не путал, следует подать руку самому или дожждаться, пока это сделает старший товарищ. Речь Максимова изобиловала интеллигентскими «соблаговолите» и «окажите любезность», но почему в его обществе Миллер чувствовал себя так, словно тот беспрерывно скребет вилкой по тарелке? Почему, когда Максимов подавал старой профессорше руку, помогая сойти с трибуны, всем казалось, будто происходит что-то неприличное?

Сегодня Миллер твердо решил избежать личного общения с Максимовым. После доклада он взял портфель и направился к выходу.

– Дмитрий Дмитриевич, куда же вы? – остановил его сладкий голос.

– В клинику. Я очень спешу, – совсем по-д’Артаньяновски ответил Миллер.

– А как же чай? Попробуйте, здешние сотрудники заваривают его великолепно. Заодно и побеседуем. Вы ведь не откажете в беседе главному нейрохирургу города? – И, ухватив Миллера под локоть, Максимов увлек его в широкий коридор, где по традиции стоял чайный стол.

Симпатичная девушка – скорее всего аспирантка, – улыбаясь, подавала чашки. Оценив очаровательные ямочки на ее щеках, Миллер на всякий случай далеко отходить не стал.

– Дмитрий Дмитриевич, прежде ответьте, почему вы не отреагировали на мой запрос, а потом уж будете флиртовать с девушкой.

– Какой запрос?

– Вы должны были сообщить мне о структуре заболеваемости у пациентов, поступивших в клинику за последние полгода.

– Что вы говорите... Я не знал.

– Разве вы не получили мое письмо? Я послал его на имя Криворучко, но он должен был поручить это дело вам.

Насколько Миллер знал своего шефа, письмо давным-давно покоилось в мусорной корзине. Скорее всего Криворучко, увидев на конверте фамилию отправителя, даже не стал его распечатывать.

– Я не знал, что мы с профессором Криворучко что-то вам должны. – Миллер не удержался от хамства.

– Но разве вы не знали, что меня назначили главным нейрохирургом города?

– Знали. Но мы знаем и круг обязанностей для этой должности. Это консультативный пост. Помогать в лечении сложных случаев, быть арбитром на ЛКК – милости просим. Но вы же не стали нашим начальником, правда?

Миллер заметил, что стоящие неподалеку коллеги прислушиваются к их разговору.

– В первый раз встречаю такого авантюриста, даже флибустьера от хирургии! – Максимов напряженно хохотнул и посмотрел на коллег, приглашая посмеяться над собственной шуткой.

Миллер пожал плечами и покосился на аспирантку, подававшую чай. Девушка поймала его взгляд и игриво улыбнулась. Она была такая хорошенькая на фоне высокого стрельчатого окна... Тонкие пушистые волосы выбились из прически и золотились легким облачком в сол-

нечных лучах. Неожиданно Миллер вспомнил о Тане Усовой и понял, что знакомиться с этой аспиранточкой не станет...

– Пусть я не имею права вам приказывать, но просьбу старшего товарища вы могли выполнить? – продолжал Максимов. – Или вы не желаете заниматься нашими пигмейскими делами, а только решаете проблемы мирового масштаба?

«Представь себе, решаю, – хотел огрызнуться Миллер. – Во всяком случае, ты не публиковался ни в одном иностранном журнале, а у меня таких статей больше десятка!» Но вслух он миролюбиво произнес, что не стоит ссориться из-за всяких бумажек. Аргумент оказался не слишком удачным, и Максимов легко парировал его:

– Это не всякие бумажки, а важная и ответственная часть нашей работы. И если вы игнорируете ее, это еще не значит, что с другими частями вы справляетесь лучше других.

– Да, наверное, – пробормотал Миллер, но все же не удержался и спросил: – Я лично не видел вашего письма, скажите, какой запрос в нем содержался?

– Я всем руководителям клиник разослал одинаковые запросы. Не ответили только вы. Коллеги, прислушивающиеся к разговору, посмотрели на Миллера с завистью. Им, измороженным бюрократической перепиской, наверное, не приходило в голову, что не на все запросы необходимо отвечать.

Выслушав пространные объяснения Максимова, Дмитрий Дмитриевич вздохнул и сказал:

– Боюсь, я все равно не смог бы ответить на ваш запрос. Как я могу судить о структуре заболеваемости на примере пациентов нашей клиники? Изучать заболеваемость в клинике – то же самое, что изучать частоту наступления беременности на примере пациенток роддома. Или частоту смертности в морге. Может быть, вы имели в виду нозологическую характеристику³ больных?

– Не ваше дело, что я имел в виду! – вспыхнул Максимов и кинул на Миллера тяжелый взгляд.

– В таком случае я вообще не понимаю, что вам от меня было нужно. Извините, я действительно спешу.

Вернув чашку девушке, Миллер отправился на выход. Кажется, его провожали восхищенные взгляды.

В клинике он рассказал Валериану Павловичу о стычке с Максимовым. Криворучко рассмеялся, но потом помрачнел.

– Зря ты так, – пробормотал он, открывая нижний ящик письменного стола, где всегда хранилась бутылка коньяка для экстренных случаев.

– У вас же сегодня прием, – напомнил Миллер.

– Прием спиртных напитков, – парировал старый профессор. – Подождут, не сахарные.

Миллер поморщился. Оба профессора не любили вести амбулаторный прием. Теоретически это был способ заработать, но подавляющее большинство пациентов, судя по одежде и аксессуарам, людей отнюдь не бедных, заявляло, что они от профессора такого-то или депутата сякого-то, и это означало, что платы с них брать нельзя. Бывало, что на прием приезжали тяжелые больные, которым трудно было ждать в очереди, но другие пациенты практически никогда не пропускали их вперед. Однажды девушка с недиагностированной вовремя внутричерепной гематомой досиделась до дислокационного синдрома⁴, и Миллеру пришлось срочно

---

³ Нозологическая характеристика – распределение группы больных по заболеваниям.

⁴ Дислокационный синдром – тяжелое состояние, вызванное смещением срединных структур головного мозга из-за гематомы, опухоли и др.

ее оперировать. Прежде чем девушка упала в коридоре, она долго жаловалась на тошноту и головокружение, но никто не пропустил ее без очереди.

– Напрасно ты злобишь Максимова, – тяжело вздохнул Криворучко. – Он очень злопамятный. Пока ты под моим крылом, он не сможет тебе напакоstitь, но ведь скоро ситуация изменится.

– Может быть, вы еще поработаете?

– Нет, возрастной ценз, сам знаешь. Да и достала меня уже руководящая работа. А тебе надо расти, Дима. Человек должен постоянно развиваться. Если ты к тридцати годам достиг того, к чему другие приходят только к концу жизни, это не значит, что теперь ты можешь почитать на лаврах. Стоит только расслабиться, моментально деградируешь. Да и кафедре нужна молодая кровь!

Миллер махнул рукой и поднялся помыть рюмки.

– Иногда, Валериан Павлович, я чувствую себя старше вас, – сказал он. – Да, я, простите за нескромность, хороший хирург и ученый, но это еще не значит, что я буду хорошим руководителем. Тем более в коллективе меня не любят.

– А это и не нужно, – хмыкнул Криворучко. – Тебя уважают и боятся, значит, не посмеют игнорировать твои распоряжения.

– Но будут ли мои распоряжения полезными?

– Начальник, Дима, всегда прав, – гордо заявил Криворучко. – Как-нибудь справишься. Я помогу на первых порах, ведь профессором-консультантом ты меня оставишь?

Миллер пообещал, что возьмет Криворучко на любую должность, которую тот пожелает, и отправился к себе.

– Таня? – обрадовался он, увидев возле своей двери кругленькую фигурку.

– Дмитрий Дмитриевич, я хочу вам сказать...

– Сейчас... – Миллер завозился с ключами. Сердце его, казалось, увеличилось в размерах и колотилось быстро-быстро, словно он только что пробежал кросс. – Выпьете со мной чаю? – Ему с трудом удавалось сохранять свой обычный холодный тон.

– Ой, что вы! Это неудобно...

– Очень удобно. Вы сколько раз угощали нас после операций?

Конфузясь, Таня зашла в кабинет.

– Не будем считаться визитами, – улыбнулась она и села на краешек стула. – Я просто хотела сказать...

– Сначала чай! – невежливо перебил Миллер.

– Дмитрий Дмитриевич, я зашла предупредить, что уеду на несколько дней. До конца недели вам придется работать с другими сестрами. По плану у вас две трепанации и одна операция на плечевом сплетении. Я укомплектовала все три набора, положила ваши любимые инструменты, так что вы предупредите сестру, которая будет с вами работать.

Она поднялась со стула, но Миллер решительно взял ее за локоть и усадил обратно.

– Куда же вы? Чайник вскипел. И, если не секрет, куда вы уезжаете?

Она хихикнула:

– Отправляют на учебу.

– Вас учить – только портить.

Миллер налил Тане чаю в парадную чашку. Эта невесомая, почти прозрачная чашка со строгим греческим рисунком досталась ему от бабушки. Миллер редко пил из нее, боялся разбить. Глядя на чашку, он вспоминал бабушкины руки, ласковые и нежные, с безупречным маникюром и множеством старинных колец. Поэтому и привез вещь в клинику, где проводил большую долю времени.

– Спасибо за комплимент, но без этих курсов мне не подтвердят категорию.

– У вас уже есть категория? – удивился он.

– Конечно! – Напористое «оканье» казалось Миллеру дивной музыкой. Ему хотелось, чтобы она говорила, говорила без умолку, четко и распевно выговаривая гласные. – Высшая, я ведь уже тринадцать лет работаю.

Он недоверчиво уставился на медсестру.

– Вы что, сразу после детсада попали в училище? Вам же лет двадцать, наверное?

– Двадцать девять.

– Не может быть!

– Это я из-за маленького роста так молодо выгляжу.

– Не только из-за роста. Никогда не встречал у дам ваших лет такого задорного взгляда, – буркнул Миллер. – Но это же очень хорошо, что вы взрослая. Теперь я смогу держаться с вами на равных, а то мне все время хотелось погладить вас по головке и купить вам воздушный шарик.

Таня засмеялась. К чаю она не притронулась: то ли стеснялась, то ли поймала нервные взгляды, которые Миллер бросал на любимую чашку.

– Хорошо, что не в угол поставить. Но вообще-то двадцать лет тоже вполне солидный возраст.

Дмитрий Дмитриевич презрительно приподнял бровь, и тут, как по заказу, дверь кабинета приоткрылась. С несвойственной ему резвостью в помещение вбежал Чесноков, обычно передвигавшийся по клинике со скоростью черепахи.

Халат клинического ординатора был расстегнут, на его шее болтались сразу две хирургические маски, а голову венчал женский одноразовый медицинский берет.

– Вот полюбуйтесь, Таня, на человека в солидном, по вашему мнению, возрасте. Что за вид? Почему у вас берет на голове?

– Смейтесь-смейтесь, – пробасил Чесноков и бесцеремонно плюхнулся на свободный стул. – В супермаркете «Максимауз» теракт! Чаю мне здесь дадут?

Два года назад Чесноков спас Миллера от ножа вставшего в безумие больного и с тех пор стал обращаться с профессором как с любимым, но, увы, слабоумным дядюшкой. Дмитрий Дмитриевич хотел бы покончить с этой фамильярностью, но не мог – всякий раз он вспоминал, как хладнокровно Чесноков скрутил алкоголика, привезенного в клинику с черепно-мозговой травмой. Неизвестно, сколько народу тот успел бы ранить до появления охраны, если бы не мужество ординатора.

– Самообслуживание. – Миллер показал на чайник и заварку. – Какой еще теракт, Стас?

– Черт его знает. Распорядились всех оповестить насчет боевой готовности. У вас мобильный опять не работает, вот я и прибежал. С ног сбился. Когда вы наконец освоите сотовую связь?

– Что, уже везут пациентов?

– Вроде нет пока.

– Ой, а я что сию? – спохватилась Таня. – Мне надо в оперблок, наверное, девчонки уже дополнительные операционные разворачивают.

И она умчалась.

– Кто главный? – Миллер достал сигареты, угостил Чеснокова и закурил сам.

– Криворучко, само собой. Он побежал в приемное отделение, разгонять плановых больных. Невропатологов обязал остаться на рабочих местах – они будут ассистировать на операциях при массовом потоке больных. Вы с ним будете на сортировке пострадавших, как самые опытные, а мы уж в операционной займемся.

Миллеру очень хотелось сказать, что ставить Чеснокова самостоятельно оперировать – это тоже теракт, но сейчас, в преддверии тяжелой и долгой работы, обижать его было нельзя. Да и на кого еще можно было рассчитывать? Опытные хирурги должны принимать пострадавших

и решать – кого сразу в операционную, кто может подождать, а кто требует только консервативной терапии. Это азы медицины катастроф. Значит, они с Криворучко работают в приемном покое, а все остальные доктора у них примерно такие же, как Чесноков. Просто Чесноков не цитирует с умным видом иностранные журналы и не злоупотребляет медицинскими терминами. Если показать миелограмму⁵ ему и другому клиническому ординатору, Белову, и спросить, что они на ней видят, Чесноков скажет: «Хрен его знает», а Белов с важным видом произнесет: «Безусловно, какой-то патологический процесс присутствует». Смысл, конечно, один и тот же, но Стас считается туповатым парнем, а Белов – интеллигентным, мыслящим юношей.

– Я надеюсь на вас, Стас. Только прошу: работайте аккуратно, не спешите, сколько бы каталок с больными ни стояло под дверью. Помните, если я не привезу пациента сам и не потребую немедленно освободить для него стол, значит, время у вас есть. И не обращайтесь внимания, если анестезиолог или медсестра начнут упрекать вас в медлительности и неловкости. Впрочем, разумный совет лучше принять.

Миллер вздохнул и полез в портфель за бутербродами:

– Давайте-ка поедим. Война войной, а обед по расписанию.

Чесноков вонзил крепкие зубы в бутерброд с колбасой.

Неизвестно, сколько времени им придется провести на ногах. Оба положили себе в чай по четыре ложки сахара, и на всякий случай Миллер открыл коробку шоколадных конфет. Конфеты были старыми, наверняка коробка прошла сложный жизненный путь, прежде чем попала к профессору, но зато каждая конфета была завернута в фольгу, и Дмитрий Дмитриевич положил несколько штук в карман – подкрепляться в ходе работы.

– А вы в курсе, что вы – комбустиолог?⁶ – спросил Чесноков с набитым ртом.

– Я? – оторопел Миллер. – Первый раз слышу. Я вообще в ожогах не разбираюсь, даже не помню, как площадь определять.

– Придется вспоминать. На период массовых поступлений вы отвечаете за пострадавших с термическими поражениями. Криворучко главный вообще, вы – по ожогам, Татьяна Всеволодовна – по переливанию крови. Она так ругалась, когда я ей об этом сообщил! Она же невропатолог, кровь последний раз лет двадцать назад переливала, а сейчас вообще методика другая. Но ничего, я к ней нашу процедурную сестру послал, она у меня обучена...

– Чесноков! – возмутился Миллер. – Вы что, не знаете, что хирург гибнет на трех вещах – на водке, женщинах и переливании крови?! Какая еще процедурная сестра?

Переливание крови является сугубо врачебной процедурой. Как говорил миллеровский преподаватель физиологии – это вам не фигня какая-нибудь, а пересадка ткани. При всей простоте проб на совместимость крови донора и реципиента, закон требует, чтобы их проводил дипломированный врач, прошедший специальные курсы. Занятие это нудное. Сначала нужно получить кровь в отделении переливания под роспись, потом взять пробу крови у пациента и прокрутить ее на центрифуге. Потом требуется еще раз определить группу донорской крови, содержащейся в пакете, смешать ее каплю с каплей сыворотки больного на стекле и в пробирке, выждать пять минут и проверить, нет ли агглютинации, то есть створаживания, а потом записать переливание в истории болезни и в двух журналах. Ясно, что желающих заниматься всем этим было мало, и отдуваться приходилось Чеснокову, как самому молодому. Вот он, значит, и нашел выход – подлизался к пожилой процедурной сестре, которая раньше, работая в сельской больнице, иногда вынужденно занималась совмещением крови. Поддавшись уговорам Чеснокова, она и в клинике взяла эту работу на себя. Ему оставалось только расписываться.

– Да вы что, Анне Петровне не доверяете? – удивился Чесноков.

Миллер сполоснул чашки и убрал их в шкаф.

---

⁵ Миелограмма – рентгеновское исследование спинного мозга.

⁶ Комбустиология – учение об ожогах.

– Если она ошибется, в тюрьму сядете вы, Стас. Ладно, пойдемте в приемное. Ну вы и гусь. В городе теракт, я, второй человек в клинике, сижу, ничего не знаю, а вы уже всем распорядились. Может, вы и кафедру возглавите вместо меня? Вы в институте как учились?

– На тройки в основном.

– Значит, будете прекрасным руководителем.

– Просто я давно тренируюсь на рынке; там, если всех в кулаке не держать, без прибыли останешься. Вы тоже научитесь. Мобильный только не выключайте, и все нормально будет.

В приемном все уже было готово. Больных подняли в отделения, из реанимации выкачали резервные аппараты ИВЛ⁷, в комнате дежурного врача сидели анестезиологи с интубационными наборами наготове.

Возле диспетчерской страдал нейроофтальмолог, который, оказывается, числился главным специалистом по боевым отравляющим веществам.

– Я окулист! – набросился он на Миллера. – Откуда мне знать все эти зарины, заманы, фосгены? Хоть бы предупредили заранее, методичку какую бы выдали!

– Давай махнемся. Ты будешь ожоговедом, а я военным токсикологом.

– А смысл?

– Я не понимаю ни в том ни в другом, так, может быть, ты хоть ожоги знаешь?

Они вышли на крыльцо – посмотреть, не везут ли уже больных, а заодно и покурить.

Стоял теплый осенний вечер, солнце давно закатилось, в белом низком небе едва виднелся узкий серп месяца. На улице гудели застоявшиеся в пробках машины, нетерпеливо позванивали трамваи, и казалось странным, что вот-вот этот обычный гул будет перекрыт воем медицинских сирен.

Окулист сжал в зубах беломорину с таким видом, будто хотел не выкурить, а съесть ее.

Хлопнула дверь, и на крыльце появился Криворучко.

Он пыхтел, шумно переводил дух и тут же притопывал от нетерпения, соображая, куда бежать дальше.

Валериан Павлович был выдающимся стратегом и энергичным тактиком. Другими словами, он мог придумать прекрасный план действий, а потом активно мешать его исполнению, лично контролируя каждую мелочь и внося сумятицу в ряды коллег, перестающих понимать, за что же они отвечают. И в этой атмосфере хаоса Криворучко чувствовал себя как рыба в воде.

– Ты чего тут прохлаждаешься? – набросился он на офтальмолога. – По агентурным данным, террористы применили химическое оружие, так что иди давай, листай справочники. А ты, Дима, можешь расслабиться, пожара там вроде нет. Ожоговые не предвидятся.

– Эх, зря я не поменялся! – пожалел офтальмолог. – Но, Валериан Павлович, что же мне делать? Я...

– Да ладно, успокойся! – Криворучко неожиданно захохотал. – Сейчас позвонили, дали отбой. Никакого теракта, просто конкуренты подложили в супермаркет хлопушки с сероводородом. Но потренироваться лишний раз не вредно.

Он взял у Миллера сигарету, затянулся и посуровел:

– Выяснилось, что никто из вас не знает своих специальностей по гражданской обороне. А если бы, не дай бог... Что бы мы делали после газовой атаки или пожара?

– Но существуют специализированные центры, – сказал Миллер. – Токсикология есть в Институте скорой помощи, в Военно-медицинской академии, еще в паре больниц. И ожоговых центров несколько. Туда пусть и везут.

– Избаловались вы, ребятки. А если на соседней улице трагедия случится, да еще в час пик, когда по всему городу пробки? Пока до Купчино довезут, только патологоанатом будет нужен. Время такое, что мы должны быть готовы ко всему.

---

⁷ ИВЛ – искусственная вентиляция легких.

Пообещав исправиться и овладеть искусством лечения ожогов, Миллер отправился в операционные, хотя Криворучко настойчиво приглашал его навестить начатую бутылку коньяка.

– Хочу посмотреть, как они там расконсервировали запасной блок, – объяснил Дмитрий Дмитриевич.

В оперблоке все выглядело непривычно. Широкий коридор оказался заставлен аппаратами ИВЛ, сломанными операционными столами, передвижными лампами и прочим барахлом, вытасканным из резервной операционной.

Теперь предстояло все поставить на место, и старшая сестра Ирина Анатольевна последними словами ругала Криворучко, который не разобрался в ситуации и заставил женщин заниматься тяжелой и бессмысленной работой.

– Классическая ситуация: не спеши выполнять приказ начальства, его могут и отменить, – засмеялся Миллер. – Зато нам закрыли прием до десяти вечера.

– Радость-то какая! – фыркнула старшая сестра. – Сейчас бездельем маяться, чтобы потом всю ночь ишачить! – И, показывая пример подчиненным, она налегла плечом на наркозный аппарат.

По стандарту, все медицинское оборудование оснащено колесиками и является передвижным. Но у этих древних приборов колесики давно проржавели, а кое-где и отвалились, так что транспортировка действительно была трудным делом. Оборудование отчаянно скрипело, оставляло на плитке пола глубокие царапины и норовило рухнуть на грузчиков поневоле.

Миллер вызвался помогать. Держась как можно непринужденнее, он пристроился в пару к Тане.

«Она совсем мне не нравится, – думал профессор, при каждом мимолетном прикосновении к ней ощущая волнение плоти, – то есть абсолютно не в моем вкусе. Хороший работник и приятный человек, но не секс-бомба».

Они взялись за операционный стол. Пытаясь сдвинуть с места этого мастодонта русской хирургии, Миллер смотрел, как на другом конце стола Таня морщится от напряжения, и голова его кружилась от желания...

«Поведу ее к себе, – решил он, – и будь что будет!»

Но пока он собирался с духом, переодевался, курил, Таня ушла домой. Миллер даже не успел попрощаться с ней перед ее курсами.

Глава 3

Оказывается, он был влюблен!

Клиника без Тани казалась ему пустыней, и Миллер, как подросток, считал дни до ее возвращения.

«Дело даже не в том, что она удивительно добрая и самоотверженная девушка, – думал он. – Мне хочется стать таким же, как она, хочется вновь полюбить мир. Рядом с ней мне удастся это сделать. Она потихоньку, исподволь, по капельке напитывает меня любовью к людям, как человека после долгого голодания начинают осторожно кормить – сначала по ложечке, потом еще и еще... Лишь бы ей было со мной хорошо».

Миллер намывал свои комнаты в коммуналке, стелил на кровать новое белье и ходил в магазин за хорошим кофе и шоколадом.

Первая часть воскресенья прошла за хозяйственными хлопотами. Вечером профессор начал размышлять, можно ли позвонить Тани на мобильный и пригласить ее в гости, или это неудобно.

«Она может обидеться, – думал он, понимая, что на самом деле боится сам. – Ведь по телефону всего не объяснишь. Вдруг она решит, что я просто хочу развлечься? Она ведь не знает, что я ее люблю. Говорят, что женщины всегда это чувствуют, но я очень сдержанный человек! Лучше завтра. Предложу ей отпраздновать окончание курсов. Черт с ним, сразу сделаю предложение. Женюсь! Какие могут быть игрушки?»

Миллер нервно похотывал и боялся, что не дожидается завтрашнего дня.

Утром он провел конференцию, сделал обход и отправился в оперблок. Тани нигде не было, и ему пришлось притворяться, что он пришел взглянуть на график операций.

«Может быть, она не вернулась с курсов? Она сказала, что обеспечила меня инструментами до конца недели, но ведь она не говорила, что выйдет на работу именно в понедельник. Значит, у меня есть легальный повод ей позвонить, узнать, когда она собирается на службу. Вот сейчас покурю и позвоню. Из своего кабинета, где нет любопытных ушей».

Он вышел на площадку черной лестницы. Серые бетонные ступени, перила из железных пластин, кое-где оторванных и торчащих в пролет железными щупальцами. На стенах с осыпающейся грязно-розовой краской – воззвания сексуального и политического толка. Угол возле помойного ведра в изобилии испещрен следами тушения сигарет. Миллеру стало противно, и он поднялся на один пролет. Там обнаружилась такая же картина. Тяжело вздохнув, он закурил.

Внизу хлопнула дверь, и послышались женские голоса – сестры вышли на перекур.

– Ну, Тань, как тебе с фашистом работается? – донеслось оттуда.

Миллер наострил уши. Подслушивать, конечно, нехорошо, но он же не знал, что они сюда придут! Чистая случайность. А после того как его назвали фашистом, обнаруживать себя просто неудобно, это сконфузит невоздержанную на язык сестру.

– Нормально. И почему вы все так его не любите? Странно даже.

В ответ раздался дружный смех.

– Знаешь, с тобой он стал как-то добрее. – Миллер узнал голос старшей сестры Ирины Анатольевны. – И не только к тебе, но и к нам, грешным. Разве мы могли представить, что он будет помогать нам таскать этот чертов хлам?

– Это уж точно, – подтвердила другая сестра, Дмитрий Дмитриевич не узнал ее по голосу. – Попроси мы его раньше, смерил бы нас уничтожающим взглядом и сказал: «Хорошо, я еще и инструменты за вас помою. А вы не окажете ли мне ответную любезность – не прооперируете ли аневризму сонной артерии?»

Миллер чуть не поперхнулся дымом. Именно так он бы и сказал, слово в слово.

– Не знаю, что это на него вдруг нашло, – продолжала неузнанная сестра. – Но боюсь, когда у него припадок доброты закончится, мы все огребем по полной. Уж он-то найдет способ наверстать свое, фашист недобитый.

– Девочки, а за что вы его фашистом зовете? – Голос Тани он не перепутал бы ни с чьим.

– Такой и есть! Вредный злобный гад. Конечно, ты ему угождаешь, и у него пока нет повода тебя гнобить. Но вообще не обольщайся, он ненавидит тебя так же, как все остальное человечество.

Миллер и не предполагал, что у Ирины Анатольевны, которую он уважал и ценил, сложилось такое нелестное мнение о его персоне!

– Нет, фашистом я бы его не назвала, – задумчиво протянула Таня. – И сдается мне, он совсем не злой. Просто бесстрастный и холодный человек. Так что если уж выбирать ему прозвище, то я бы предложила «мессир».

Опять раздался дружный хохот, а Дмитрий Дмитриевич подумал, что истина «подслушивающий человек рискует услышать много для себя неприятного» подтверждается на все сто.

– Нет, правда, девочки. Как и дьявол, наш Миллер не способен на сильные чувства. Зато холодность позволяет ему быть справедливым и объективным, а мы за это считаем его злым. На самом деле он просто несчастный человек, он завидует нам, как Воланд.

– Таня, что ты несешь? При чем тут Воланд?

– Воланд тоже бесстрастный и тоже завидует людям. Поэтому и вводит в искушение, играет на человеческих страстях, чтобы в очередной раз убедиться, что они толкают людей только на грех и некрасивые поступки. Наш, конечно, дьявольским промыслом не занимается, но ему тоже приятно лишний раз убедиться, насколько мерзок род людской.

Он не думал, что ему будет так больно слушать Таню! Вероника Смысловская сказала, что он не способен на любовь, но у нее были к тому основания. И бесстрастным она его не обзывала. А Таня, да как она могла? После того как он месяц проработал с ней бок о бок и каждый его вздох, каждое движение были наполнены мучительной нежностью... Путь она не поняла его любви, но назвать его холодным... Наслушалась бабских рассказов, только и всего!

– Ты тут целую философию развела, оперируешь вселенскими понятиями, а на самом деле все гораздо проще – твой любимый профессор просто злобный эгоист. Поэтому до сих пор и не женат.

– Вообще-то злобные эгоисты тоже имеют право на счастье, – заметила Таня. – Он же не виноват, что такой уродился.

– А женщина виновата? Чем жить с таким занудой, лучше сразу повеситься.

«Ну и повесься!» – злобно пожелал Миллер. А он-то думал, что, несмотря на ненависть к нему как к штатной единице, его жениховский рейтинг остается в коллективе высоким. До этого момента он был убежден, что любая сотрудница, получив от него предложение руки и сердца, ответит моментальным согласием.

– Он может быть очень счастлив в браке, – заступилась Таня. – Знаете же, один любит, другой позволяет себя любить. Позволять себя любить – это тоже дорогого стоит. Понять, как сильно тебя любят, принять чужую любовь и ответить на нее благодарностью – пожалуй, это даже труднее, чем любить самому. Обычно как бывает? Если человек влюбляется в нас, мы сразу же начинаем считать его своей собственностью и относимся к нему хуже, чем к верной собаке. Чем самоотверженнее он любит, тем сильнее мы презираем его, беззастенчиво пользуясь его услугами, а сами сохнем по какому-нибудь красавчику, который нас и знать не хочет. Мало у кого хватает мужества сказать: вот человек, для которого я – центр Вселенной. Спасибо ему, что он выбрал меня из всего остального человечества, что я – самый главный человек в его жизни. Я – обыкновенная женщина, стала для него чудом.

– Как поэтично! – фыркнула Ирина Анатольевна.

– Зато правда! – отрезала Таня. – Меня этому мама учила. Она выходила за отца без любви, он взял ее буквально измором, но я никогда не встречала более счастливой пары. Она вовремя поняла, что нужно быть благодарной за любовь.

Разговор плавно перетек на темы, не имеющие прямого отношения к Миллеру, и он осторожно поднялся на третий этаж, чтобы окольным путем пробраться к себе в кабинет. Встретиться с кошмарными тетками ему совершенно не хотелось.

Вернувшись в каморку, он вымыл лицо холодной водой, посмотрел в зеркало и строго сказал себе: «Любовь умерла!» Поймал себя на том, что у него появляется привычка разговаривать со своим отражением – верный признак полного одиночества, и расстроился окончательно.

«Надо же, чуть было не женился на сентиментальной дуре, которая верит книжным представлениям о любви, а на досуге размышляет о философских аспектах романа «Мастер и Маргарита». Причем размышления эти дают очень скудный результат! Вот нахалка, она еще пытается анализировать мою личность! Ни черта не зная обо мне, опираясь на сплетни глупых баб. Вылепила из меня героя слюнявого женского романа. Нет, такого бреда я давно уже не слышал!»

На душе было тошно. Миллер открыл шкаф, мечтая найти там что-нибудь успокоительное.

– Прошла любовь, завяли помидоры, сандалии жмут, и нам не по пути! – продекламировал он вслух, убедившись, что коварный Криворучко стащил у него все запасы.

«Значит, она записала меня в бесчувственные личности! А сама, надо понимать, крупный спец по любви! Господи, спасибо, что ты сделал меня невольным свидетелем этой душевраздирающей беседы! Какого бы я сваял дурака, если бы сделал предложение! Эта экзальтированная особа тут же решила бы, что безмерно меня любит, и я должен был бы каждую минуту ценить ее чувства и благодарить за них. В мою любовь она бы никогда не поверила, потому что ей удобнее считать меня холодным и мрачным типом».

Тут обнаружилось, что у него кончились и сигареты. Он вспомнил о сотовом.

– Чесноков, это звонок другу. Можете зайти ко мне с парочкой сигарет?

– Не вопрос.

Миллер сел за стол, для солидности раскрыв перед собой диссертацию, требующую отзыва, и стал ждать.

«А вдруг она права? Ведь если бы я любил ее по-настоящему, то любил бы и ее бредовые высказывания. По сути, она не сказала обо мне ничего обидного. Просто начиталась сентиментальных романов, дурочка. Но дурочки, как и злые эгоисты, тоже имеют право на счастье».

– А я гостя привел, – радостно объявил Чесноков, появляясь в дверях.

– Я вообще-то только сигареты просил... – Но, увидев вошедшего, Миллер заулыбался, поднялся из-за стола и вышел ему навстречу.

– Человек страдал возле вашего прежнего кабинета, – пояснил Стас, вынимая из кармана пачку «Петра I».

– Я уж испугался, шутка ли, целый этаж исчез с лица земли! – Яша Розенберг расцеловал Миллера в обе щеки. – А ты вот где окопался. Если бы не молодой человек, я бы до сих пор там торчал.

– Коммерческая медицина пожирает нас, бескорыстных врачей и ученых. Впрочем, прости, я забыл, что ты у нас представитель именно коммерческой медицины. Не прими на свой счет.

– Не приму, – улыбнулся Розенберг, доставая из кармана трубку и дорогую табакерку. Брошенные рядом с пачкой «Петра», они наглядно продемонстрировали преимущества частного капитала.

* * *

Услышав «Яша Розенберг», можно представить себе томного юношу с длинными черными волосами и скрипкой в руках, но данный Яша Розенберг никак не соответствовал этому имиджу. Невысокий, крепкий, стриженный почти под ноль, когда-то он учился на одном курсе с Миллером.

Старший ребенок из многодетной деревенской семьи, Яша жил в общежитии и одновременно с учебой пахал на двух работах, чтобы прокормиться самому и помочь родителям. Он был единственным однокурсником, с которым Миллера связывало подобие дружбы. Оба не могли участвовать в студенческих развлечениях и не имели ни времени, ни денег, чтобы ухаживать за девушками. Можно сказать, два одиночества пытались поддерживать друг друга. Чтобы сумасшедшая мать и маленькая сестра Миллера не оставались одни, когда Миллер дежурил, Яша ночевал у него. За это Миллер кормил его домашними обедами собственного приготовления и давал списывать пропущенные Розенбергом лекции. Когда Яша попал в больницу с гепатитом, Миллер возил ему диетические продукты, а Розенберг, в свою очередь, несколько раз забирал Олю, сестру Миллера, на лето в деревню, утверждая, что его мать просто не заметит среди своего многочисленного потомства еще одного ребенка. Эти поездки были для Оли настоящим благом, тощий бледный ребенок возвращался в сентябре крепкой девицей с румянцем во всю щеку. Правда, потом Миллеру приходилось отучать ее от использования матерных слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.